

**В вихре
времени**

Юрий КОРЧЕВСКИЙ

Боярская
честь

«Обоерукий»

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Художественный редактор *П. Волков*
В оформлении переплета использована
иллюстрация художника *П. Ильина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Боярская честь. «Обоерукий» / Юрий
Корчевский. — Москва : Яуза : Эксмо, 2016. —
352 с. — (В вихре времен).

ISBN 978-5-699-85243-7

Битвы со степняками на границах Дикого Поля и поход на Литву, схватки с английскими пиратами и штурм Смоленска – судьба продолжает испытывать на прочность нашего современника, заброшенного в Московское Царство.

Пожалованный за верную службу боярским званием, он берет уроки фехтования, чтобы стать «обоеруким» – так величают лучших бойцов, способных сражаться сразу двумя клинками. Обученные им боевые холопы – лучшие в поместном войске, его пороховые ракеты наводят ужас на Орду. А БОЯРСКАЯ ЧЕСТЬ обязывает «попаданца» принимать любой вызов и первым бросаться в самое пекло, будь то самоубийственная атака против целого войска, рискованная вылазка за «языком» во вражеский тыл или смертельно опасная «разведка боем»...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Корчевский Ю.Г., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
ISBN 978-5-699-85243-7 © ООО «Издательство «Эксмо», 2016

ГЛАВА I

Жили мы в Вологде скромно. Я раздумывал — каким трудом заняться, чтобы по душе было. Деньги были, дом куплен, первоначальные нужды не обременяли. Елена, жена моя, как-то быстро обросла знакомыми — сначала перезнакомилась с соседками, затем на службе в церкви постепенно обзавелась знакомыми из среды прихожан. Постреленьш Васька уже знал всех пацанов с улицы и иногда ходил драться стенка на стенку с ребятами с соседней улицы. Только я оставался без знакомых. Плохо: посоветоваться по деловым вопросам не с кем, да и вина или пива не попить за мужским разговором. Временами мне не хватало общения с Иваном Крякутным.

За заботами пролетели осень и зима. Дел по обустройству дома хватало — все-таки начинать жизнь сначала семейному человеку значительно сложнее, чем одиночке.

Наступила Масленица, и мы с Еленой и Васяткой отправились на праздник. Елена принарядилась в лучшие одежды и выглядела барыней. Васятка отъелся за прошедшие полгода, был нами любим и выглядел просто маленьким щеголем. Да и внутренне он изменился — исчезли неуве-

ренность, боязнь быть униженным и побитым. Каково это — в детские годы ощущать свою ненужность, не чувствовать рядом крепкого отцовского плеча, не знать чувства сытости, трястись от холода? Расцвел Васятка, окреп, поднаторел в грамоте, чему был благодарен Елене и мне. И когда не было в игрищах старших подростков, частенько верховодил сам.

За городскими стенами шумело людское море — пели и плясали скоморохи, не отставали от них добры молодцы и красны девицы. Да и подвыпившие отцы семейств, тряхнув старинной, ломали шапки, били их оземь и пускались в пляс.

У разбитых шатров и палаток торговали сладостями — пряниками печатными, сладкими орешками, разноцветными леденцами на палочках. Кто хотел перекусить, покупали пироги и пряженцы с самой разной начинкой — рыбой, луком, гречневой кашей, сушеными фруктами. Весело кричали зазывалы, предлагая отпробовать вино и настойки. А уж мелкие торговцы, носившие товар на себе, не позволили бы умереть от жажды, предлагая квас и сбитень, а для тех, кто победнее, — сыто. Детвора строила снежные городки, лихие молодцы под восхищенный визг подружек пытались взобраться на скользкий, специально политый водой и слегка обледенелый столб, на верхушке которого красовались призы в виде новых сапог или кафтана. Продавцы разнообразных свистулек и игрушек в виде трещоток производили невообразимый шум. В общем, было на что посмотреть.

Немного поодаль стояло большое соломенное чучело зимы, которому предстояло сгореть в середине праздника. А уж самые бойкие и смелые затеяли драку — стенка на стенку, улица на улицу. Строгие судьи тщательно проверяли, не скрывает ли кто в кулаке свинчатку — драка должна быть честной. Бились до первой крови, упавшего не били и не пинали — помогали подняться и отводили в сторону.

Каждый из горожан был волен смотреть или участвовать в том, что ближе сердцу.

Мы посмеялись на представлении кукольников, купили Васятке леденцов, попробовали пряженцев с луком и яйцом, запили горячим сбитнем и взяли еще парочку пряженцев с вязигой — уж больно соблазнительно пахли. Послушали частушки, поучаствовали в хороводе. Васятка поиграл в лапту, а я с мужиками нашей улицы участвовал в перетягивании каната. Лена засмотрелась на яркие павловские платки, и я купил ей понравившийся. Для женщины подарок — это не только повод похвастать перед подругами, но и материальное доказательство любви к ней ее мужчины.

Радостные, довольные и усталые, мы возвращались домой. Народ расходился по улицам, а за городской стеной пускало струйки дыма сгоревшее чучело зимы.

Вдруг что-то остановило взгляд. Я замедлил шаг, покрутил головой. Вот оно! От меня удалялся ратник, только что прошедший мимо. Я и внимания на него не обратил бы, и только когда он уже разминулся со мной, до меня дошло — у него

на поясе висели две сабли. Две! Не иначе — обоерукий. Раньше я с ними не сталкивался, только слышал. Вместо щита они используют вторую саблю или меч, и владеют таким боевым искусством единицы. Ведь людей, пишущих правой рукой, — большинство, левшей — много меньше, а одинаково пишущих левой и правой — совсем немного. Так и воины обоерукие — редкость.

Я попросил Лену идти домой, пообещав не задерживаться долго, сам же побежал за удаляющимся ратником. Я помнил, как при обороне Устюга мне пришлось вынужденно владеть двумя саблями. Фактически я воевал одной — правой рукой, изредка защищаясь левой, и остро тогда пожалел, что не могу одинаково хорошо владеть обеими. Надо попытаться удачи.

Я догнал воина, покашлял, привлекая внимание. Ратник остановился и повернулся ко мне.

«Мать твою, узкоглазый — или татарин, или башкир, может быть, еще кто, — подумал я, — а одет в русские одежды».

Ратник увидел мое замешательство — видимо, сталкивался с этим уже не раз. От удивления или от неожиданности я стушевался.

Молчание затягивалось. Первым прервал его узкоглазый:

— Чем могу быть полезен?

«Тысяча чертей!» — по-русски говорит чисто, да и учтиво, как будто я попал на великосветский раут.

Я взял себя в руки, взглядом показал на сабли.

— Ты обоерукий? — Ратник кивнул.

— Научи сражаться двумя саблями! — выпалил я.

Ратник внимательно меня оглядел. Видимо, мой внешний вид не произвел на него должного впечатления.

— У тебя даже одной сабли нет.

— Праздник сегодня, не можно по городу с оружием ходить — я не на службе.

— Я должен посмотреть, как ты с одной саблей управляешься, потом решу. Приходи завтра с утра на Воздвиженную, третий дом с угла, спросишь у прислуги Сартака.

Попрощавшись кивком, ратник ушел. Я тоже направился к своему дому, удивляясь странностям жизни. Одежда на ратнике русская, речь — без изъянов, но лицо явно азиатское. Что он делает в Вологде, кто таков? А по большому счету — какое мне до этого дело? Пусть научит фехтовать, а кто он — мне безразлично.

Следующим днем я подвесил на пояс свою старую саблю дамасской стали и купленный в Нижнем испанский клинок, оделся в удобную для фехтования одежду и направился к дому странного татарина.

На стук в ворота вышел слуга и на мой вопрос о Сартаке проводил меня на задний двор. Татарин уже был там, только в штанах и плотной рубашке. На лбу его блестели капли пота — похоже, он занимался разминкой.

Я поздоровался, прижал руку к сердцу.

— Не раздумал? — спросил татарин.

— Нет.

— Тогда покажи, на что способен.

Татарин выхватил из ножен саблю и стремительно кинулся в бой. Фехтовал он просто от-

менно, и, не пройди я в свое время школу сабельного боя у Петра, мне пришлось бы очень туго. Я отражал атаки, переходил в нападение сам, то тесня противника в дальний угол, то отступая под его яростными выпадами. Летели искры от сталкивающихся клинков, звон почти не стихал. Вот татарин поднял вверх саблю. Я остановился, перевел дыхание. А татарин даже и не запыхался, лишь темные круги пота на рубашке выдавали его усилия.

— Неплохо, совсем неплохо. Среди русских я только третий раз встречаю столь умелого бойца. Как тебя звать?

— Георгий.

— Где ты так научился владеть саблями?

— Есть такой воин, именем Петр, вот он и научил.

— Хорошо, правой рукой работаешь неплохо и левую вперед не тянешь — видимо, не привык защищаться щитом. Похоже, нет привычки сражаться в конной дружине, плечом к плечу. С одной стороны — даже лучше. Переучивать тяжелых, чем учить. Сабля легкая, сбалансированная — это чувствуется. А вторая какая?

Я вытащил из ножен испанскую саблю, протянул ему. Татарин взялся за рукоять, помахал ею в воздухе, описав кончиком лезвия несколько кругов и восьмерок.

— Немного тяжеловата, но неплохо. Я возьмусь за твоё обучение, однако беру дорого. Думаю, за три седмицы ты освоишь азы двурукого сабельного боя при ежедневных занятиях. И обойдется тебе это знание в новгородскую гривну.

Я кивнул, соглашаясь. Гривна серебром — это не просто много, это очень много. За такие деньги можно купить целую улицу домов. Но и обоерукие встречаются редко, и умение свое передавать другим не очень желают. Можно сказать — мне повезло.

С этого дня и началась моя учеба. Я не знал, кто он такой, чем занимается, но гонял он меня на занятиях до изнеможения. К вечеру я готов был упасть от усталости, а он лишь потел. Двужильный, что ли?

— Нет, не так! — кричал он. — Отступить правой ногой, фехтуешь левой рукой, выискиваешь слабое место в обороне врага. Не бывает так, чтобы не было слабых мест, просто ты их не видишь. Противник всегда слишком надеется на щит, пользуйся этим! И работай, работай левой рукой активнее, противник не должен чувствовать разницу — левой рукой ты бьешься или правой.

Сартак брал в руки щит, наступал на меня, ловко прикрываясь и нанося удары саблей. Потом вручал щит мне, брал в обе руки сабли и показывал прием, находя слабые места моей обороны и обозначая уколы шлепками клинком плашмя. Легкие удары раздражали, я досадовал на ошибки, а раздевшись дома, с удивлением обнаруживал на теле синяки.

Через неделю Сартак потребовал аванс. Я принес гривну, на его глазах рассек мягкое серебро саблей на березовом чурбачке и отдал половину.

Мы продолжали тренироваться дальше, и чем больше я занимался, тем труднее приходилось Сартаку найти бреши в моей обороне. И настал

день, когда я дважды исхитрился ударить Сартака — естественно, плоской стороной клинка, лишь обозначив удар. По его настоянию деревянные палки в учебных боях не применяли. «Боец должен привыкнуть к весу сабли, сродниться с ней — тогда в бою сабля будет как бы продолжением его руки», — говорил Сартак. Сражаться настоящими саблями было опаснее, но, учитывая умение владеть оружием — и мое, и Сартака, обходилось без порезов.

Где-то через месяц упорных занятий мы сражались почти на равных. Почти — потому что все же правой рукой я пока владел лучше. Однако и умение владеть саблей левой рукой возросло многократно. Что я умел до встречи с Сартаком? Лишь отбивать левой рукой с саблей удары, фактически только обороняясь. Теперь мне казалось, что в схватке с противником я буду чувствовать себя увереннее. Щит не всегда можно иметь при себе — тяжел, занимает много места.

Занятия с Сартаком мне нравились, да и он не только получал достойное вознаграждение, но и тренировку, дабы поддерживать себя в форме. В дальнейшем оказалось, что он — сын хана Ачегама, плененного и сосланного в Вологду. Здесь хан жил в качестве почетного пленника, завел себе русскую жену. Вот откуда хорошее знание русского языка и наших обычаев.

Настал день, когда Сартак сказал, что я уже вполне освоил фехтование двумя саблями. Я поблагодарил его и вручил вторую половину гривны.

— Совершенству нет предела, если будешь настойчив и удачлив, то каждый бой с против-

ником будет лишь шлифовать твое мастерство. Ежели будет желание, можешь заглядывать иногда — пофехтуем.

Так я заимел нового знакомого в Вологде, причем встречаться с ним мне пришлось еще не раз, и не только в учебных поединках.

Месяца через полтора, когда подсохла грязь на дорогах, аккурат после Радоницы, я выехал конно осмотреть скипидарный заводик, что намеревался купить по случаю. Деньги потихоньку таяли, и пришлось думать, чем заняться. Нет, денег еще было много и хватило бы при их разумном расходовании на несколько лет, но кто знает, какие непредвиденные расходы могли предстоять? Да и дело какое-то надо себе подбирать, чтобы было чем заняться. Купец или промышленник — лицо уважаемое. Сейчас же мой статус был довольно неопределенным — ни ремесленник, ни купец, ни крестьянин. А принадлежность к сословию — это вес в обществе, возможность одеваться согласно статусу и еще много чего. Например, голосование по любому поводу. В Новгороде на вече голос любого свободного жителя имел вес — что мужчины, что женщины. На Вологодчине были свои устои, голосовали выборщики. От десяти крестьян — один голос и один выборщик, от ремесленников — один выборщик на пять человек, а среди купцов — каждый голосовал за себя. Выбирали не наместника — его назначал государь, а собрание решало вопросы налогов или сколько выделить денег на ремонт городской стены.

Вот и решил я податься в промышленники. Стать купцом мне было сложно — все-таки надо

было не просто купить, перевезти и продать товар. Нужен был нюх на выгоду, некоторая удачливость. Промышленник приравнивался к купцу. Я полагал, что смогу управляться с производством скипидара, представляя в общем процесс его получения, да и производство уже отлаженное — мастера были.

Так и ехал я, не погоняя коня, любуясь северными красотами: Белозерьем — краем, насчитывающим две сотни озер, удивительно притягательным своей неброской, но западающей навсегда в душу красотой Русского Севера, и с наслаждением вдыхая чистый воздух. В городе зимой было дымно от печей, и только ветер, сдувавший за город дым, помогал дышать чистым воздухом в полную грудь.

Впереди, довольно далеко от меня, послышались крики, звон оружия. Я хлестанул коня и помчался к месту схватки. В том, что там кипел бой, я не сомневался — уж очень шум характерный.

В лесу, за поворотом дороги, стояла карета — редкость в этих краях. Вокруг нее шла схватка не на жизнь, а на смерть. Защищали карету четыре человека в иноземной одежде, нападали — с десятков наших, одетых в зипуны и старые одnorядки. Доморощенные разбойники одолевали.

Подскакав, я с ходу срубил голову одному, вытащив из-за пояса испанский пистолет, выстрелил в грудь второму, уже взгромоздившемуся на крышу кареты. Только тут разбойники обратили на меня внимание.

Я пришпорил коня, описал полукруг вокруг кареты, зарубил татя, пытавшегося открыть двер-

цу. Спрыгнул с коня — сейчас он мне не столько помогал, сколько мешал, выхватил из ножен вторую саблю, и — пошла мясорубка... Разбойники были злы и напористы, но оружие плохое, а умения им пользоваться почти не было.

Через пару минут все было кончено. В лес успел удрать только один тать, да и то бросивший топор. Из защитников остались только двое, да и то — раненых, тяжело дышащих. Я взглянул на их оружие и чуть не рассмеялся — да кто же в Россию со шпагами ездит? Здесь надобно оружие посерьезнее.

Поняв, что бой кончился, дверцу кареты распахнули, осторожно выглянул иноземец. Их сразу можно отличить от наших — лицо бритое, одежда другая. На наших штаны широкие, а у этого — нечто вроде лосин, туго обтягивающих ноги. На теле — куцый темно-зеленый кафтан. На голове — парик.

Иноземец огляделся, заметив меня, спустился по ступенькам, подошел.

— Мы есть торговое посольство из Британского королевства. Есть очень большой сенкью. Мы благодарен, — на ломаном русском молвил иноземец.

Ага, понятно, торговые представители пожаловали. Не иначе — хотят торговать, причем едут, чтобы скидки получить или иные привилегии. Слышал я уже о них, ходят по городу разговоры, что представители голландские да аглицкие приехать должны. Вот и приехали, вместо хлеба-соли разбойнички местные обобрать решили. Тоже, наверное, прослышали про скорый